

Бутоны кубки подняли свои,
И опьяненно пели соловьи:
Теперь один вам путь необходим—
К тому, кто близок сердцу и любим.

На снимке Александра Калашникова Татьяна Чемизова—артистка балета ансамбля «Забайкальские узоры». ■

Вначале было Слово...

ЧИТА литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 9 Июль—август 1997 г.

ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ

Нина Лапенкова

Учитывая значимость уникальных фондов областной библиотеки, ее роль в развитии культуры, науки образования, в удовлетворении информационных и культурных потребностей жителей области, считать областную научную универсальную библиотеку им. А.С. Пушкина объектом культурного достояния и наследия Читинской области. Библиотеке им. А.С. Пушкина присвоить статус Центральной библиотеки области.

Из постановления Главы администрации Читинской области

Культурное достояние и наследие! Оно не за семью печатями, оно в распоряжении всех забайкальцев, независимо от возраста, профессии и национальности.

Достоянием является "Летопись Забайкалья" — хронология важнейших событий с 1653 года до настоящего времени. Летопись содержит 30000 карточек с датами, именами и событиями, она постоянно дополняется и уточняется. Именно эта Летопись и служит фундаментом ежегодно с 1964 года издаваемых библиотекой "Календарей знаменательных и памятных дат по Читинской области". "Календари" носят рекомендательный характер и имеют целью помочь пропагандистам краеведческих знаний, всем кто глубоко интересуется историей родного края. В составлении исторических справок для этого издания нам помогают ученые, краеведы, преподаватели высших и средних учебных заведений, научные сотрудники архивов и музеев, руководители учреждений и организаций, творческих союзов.

Эти небольшие краеведческие энциклопедии включают около шестисот дат и дают возможность изучить творчество первого поэта Забайкалья Федора Ивановича Бальдауфа и Константина Федоровича Седых, Василия Ивановича Балябина и великолепного знатока бурятского устного народного творчества Дугаржапа Жапхандаева, Георгия Рудольфовича Граубина и первого эвенкийского писателя Гамалиила Степановича Гантимурова, Василия Григорьевича Никонова и Жамьяна Балданжабона...

(Окончание на стр. 2)

КРАСНАЯ СТРОКА

Виктория Измайлова врач по образованию и тонкий лирик по натуре. Нынче она достигла возраста Христа. Утверждают, что человек должен состояться до тридцати трех. Как говорят в Одессе, если нет, то нет. Виктория состоялась. Два года назад вышел в свет ее первый поэтический сборник "Жаворонковы сны". Владение стихотворной строкой позволяет Виктории пробовать себя и в прозе. Но сегодня--стихи.

Виктория Измайлова

В нарисованной стране
Накануне карнавала
В те часы, покуда я
Тосковала о тебе,
Дама в стрельчатом окне
Вышивала покрывало,
На углу играл паяц
Кантилену на трубе.

И сквозил почти в крови
Южным солнцем опаленный,
Словно крепкое вино,
Гордой меди чистый звук,
И цвета моей любви —
Ярко-алый да зеленый —
Проливались в полотно
Из прозрачный женских рук.

Но замешкалась игла,
И сверкая светлой сталью,
Ты проехал на коне
Мимо дрогнувших окон,
Весь из лета и тепла,
Славный рыцарь Зазеркалья,
Ты махнул рукою мне,
Но забыл про этот сон.

А сегодня — визави
Ты, чужой и утомленный,
Недоверчивый, как стриж,
Неприветливый, как еж,
За цвета моей любви —
Ярко-алый да зеленый —
Ты ее благодаришь.
А меня не узнаешь.

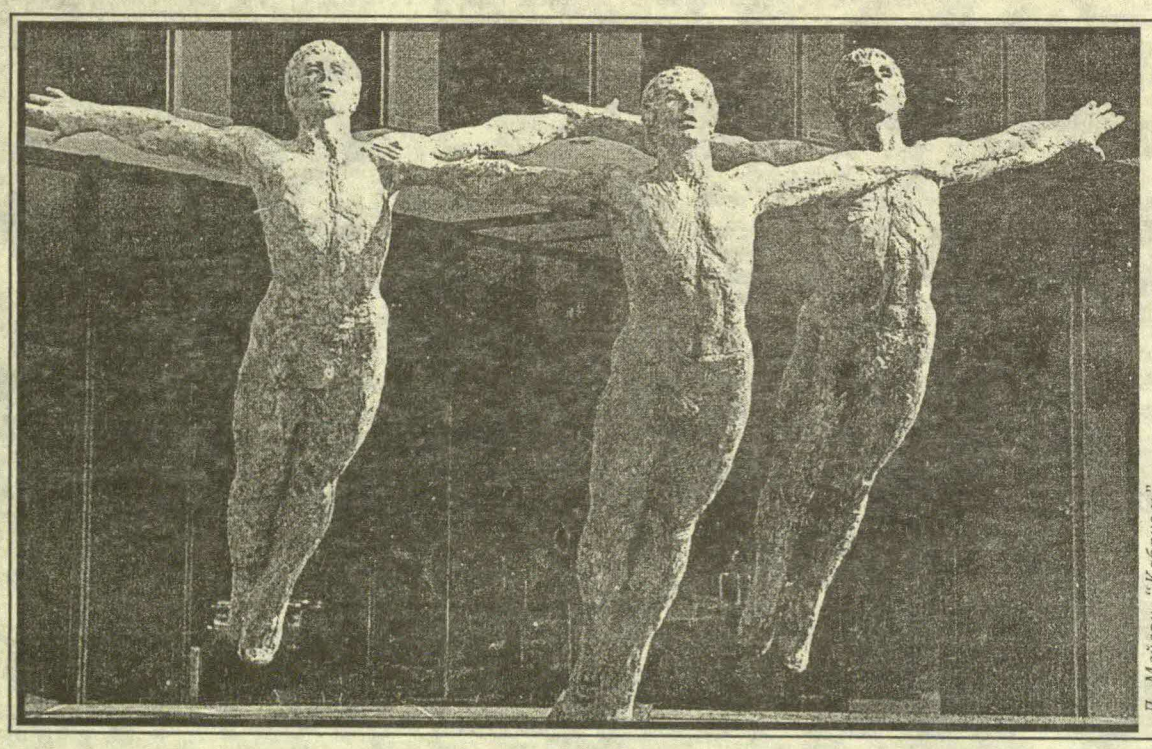
* * *

Живой клубок сплетенных змей
В плену фиала,
Кровь белоснежных голубей
И рог нарвала,
Скрываясь в зарослях густых
На дне оврага,
За горсть румяных золотых
Куплю у мага.

И в старом замке на скале
При свете бедном
Под заговор сварю в котле
Багряно-медном.
И подмешаю в темный мед
В хрустальном кубке,
И выйду встретить — у ворот
В бордовой юбке.

ТАЛИСМАН

Только сплети мне из алого шелка кольцо,
Мягче травы и веселей огня,
Чтобы, когда я пойду над стеклянным дворцом,
Взгляды с земли не обожгли меня.
Там, высоко, в неоглядной, безлюдной дали,
В пышных садах желтых закатных роз,
Нет ничего оскорбительней взглядов с земли
И ничего нет бесполезней слез.
Станет кривляться
Столикая мгла за спиной,
Станет заря томно дышать в лицо.
Но и беда, и тревога пройдут стороной.
Если со мной будет твое кольцо.
Я распознаю метущихся бликов обман,
Я отыщу истины старой след,
И от печали меня не спасет талисман,
Но он нее средства на свете нет. ■

Д. Мейсон. "Кабриэль"

В НОМЕРЕ:

Дмитрий Бахаев
"Океан жизни"

Алексей Русанов
"В Акше у Пушкина жил друг"

Николай Березин
"Четыре главы для одного голоса в опустевшем театре"

Александр Щукин
"Лилия"

Александр Баринов
"Золотые тайны Забайкалья"

Вячеслав Сериков
"Почему новорачных вносили в дом на руках?"

Валентин Марков
"Знакомые всё лица"

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА

В АКШЕ У ПУШКИНА ЖИЛ ДРУГ

Молодое поколение мало знает о великих патриотах России — декабристах. Теперь мало пишут о них в учебниках, а уж о деталях пребывания в Забайкалье — тем более.

Первый выпуск Царскосельского лицея дал России великие умы: литераторы Пушкин, Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер, дипломат Горчаков, которого боялся немецкий канцлер Бисмарк, Александр Михайлович Горчаков говорил: "Я слышу тихий шорох: это время работает на Россию! А когда волны Севастопольской бухты смоют из памяти народа грязное пятно Парижского трактата (имелись в виду итоги Крымской войны), я смогу повторить слова Пушкина, завещанные им мне в пору нашей лицейской младости: "Ты сотворен для сладостной свободы, для радости, для славы, для любви..."

Они, действительно, принесли славу России, думали о ее величии и свободе.

Этот "пламень" зажгли их лицейские учителя, такие, как молодой профессор нравственных наук Куницын, который говорил на открытии лицея:

— Настанет время, когда Отечество поручит вам священный долг хранить общественное благо. ...Никогда не отвергает государственный человек народного вопля, ибо глас народа есть глас божий.

Для Вильгельма Кюхельбекера такое время настало 14 декабря 1825 года, когда на Сенатской площади в Петербурге он стрелял в великого князя Михаила Павловича и пытался построить солдат для контратаки против начавшей расстреливать восставших царской гвардии.

Он происходит из богатой семьи русских немцев, был родственником известного генерала Барклая-де-Толли. Потому-то и оказался в числе первых воспитанников Царскосельского лицея. Но Кюхельбекер не стал послушным царедворцем, а мечты о свободной России привели его в Северное общество декабристов, где он в 1822 году познакомился и близко сошелся с К.Ф. Рылеевым, у которого часто бывал на квартире. Кюхля, как его звали в лицее, после окончания служил в коллегии иностранных дел. Путешествовал за границей. Был в Италии, Германии, Франции. В Париже читал публичные лекции о русской литературе. Был даже преподавателем русского и латинского языков.

После трагических декабрьских дней в Петербурге в 1825 году Кюхельбекеру удалось скрыться от жандармов в Варшаве. Но там он был задержан и в цепях препровожден в Петропавловскую крепость.

Приговор за участие в восстании был жесток — смертная казнь. Но хлопоты влиятельных родственников имели успех, и смертный приговор был заменен каторгой. Вот по пути в Сибирь и встретился декабрист с Пушкиным, которому много писал потом и страшно переживал гибель поэта в 1837 году.

Кюхельбекер был дружен и с Александром Грибоедовым. В крепости "Динабург", куда был заточен декабрист, в июле 1828 года он послал записку, сохранившуюся в архивах третьего отделения.

"Любезные друзья и братья Поэты Александры. Пишу к вам с тем, чтобы вас друг другу сосводничать. Я здоров и, благодаря подарку матери моей — природы, легкомыслен, не несчастлив. Живу, пишу. Свидания с тобою, Пушкин, ввек не забуду. Простите. Целую вас. В. Кюхельбекер",

В 1736 году заточение в крепости заменили на поселение. Петропавловская крепость, Шлиссельбург, Динабург, Ревель — это тюремные этапы декабриста. Последними странствиями были Баргузин, Акша, Курган, Тобольск.

В Баргузин он был сослан по его просьбе, потому что там в ссылке находился его брат Михаил. Туда он прибыл седым стариком, хотя ему не было и сорока лет. Там, на поселении, он женился на дочери баргузинского почтмейстера. Из писем и заметок друзей можно сделать вывод, что брак этот был не по любви... Вильгельм метался. Давила тоска, та тоска, которая гнала Грибоедова на Кавказ, Персию.

Тынянов так описывает этот период жизни Кюхли.

"Он стал просить о переводе в Акшу. Акша — маленькая крепостца на границе с Китаем...".

У Вильгельма была уже семья, крикливая, шумная, чужая. Жена хотя в затрапезе, дети росли. В Акше недолго прожили.

Раз Дросила Ивановна, смотря со злобой на бледное лицо Вильгельма, сказала:

— Ни полушки нет. Хоть бы удавиться, господи.. Проси, чтобы перевели куда. Нет здесь житья".

Их перевели в Курган. Пущин писал Егору Антоновичу Энгельгардту, их лицейскому наставнику:

"21 марта. Три дня погостил у меня (в Ялуторовске. Прим. автора) Вильгельм. Проехал на житье в Курган со своей Дросилой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством... Он тот же оригинал, только с проседью на голове... Зачитал меня стихами донельзя... Не могу сказать, чтоб его семейным быть убеждал в приятности супружества".

Последний переезд был в Тобольск в марте 1846 года. Перед отъездом его навестил Пущин. Пущину он продиктовал свое завещание: что печатать, в каком виде. А написано им было много, целый сундук.

23 августа 1846 года в Тобольске Кюхельбекер скончался. И хотя ему не было и пятидесяти лет он выглядел дряхлым, полуслепым стариком. Так завершился земной путь друга Пушкина, поэта, который, как и он, всю жизнь мечтал посвятить Отчизне "души прекрасные порывы". ■

Алексей Русанов

Как журналиста Алексея Русанова знают и зубры-газетчики, и молодое поколение будущих мастеров пера. В одном из номеров "ЧЛ" напечатан рассказ Алексея о любви. Отменная проза. Сегодня—этюд по историографии

ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Библиотека издает такие библиографические пособия, как "Литераторы Забайкалья", "Литература агинских степей", "В ответе за природы", "Мятежной вольности сыны", "Забайкальские художники" и многие другие.

Любознательный читатель сможет составить представление о творчестве художника Ивана Павловича Сверкунова и Лазаря Семеновича Новицкого, скульпторов Иннокентия Николаевича Жукова и Елены Михайловны Дружининой, узнать об истории создания и архитектурных особенностях дворца братьев Шумовых в Чите, о композиторах Николае Будашкине и Константине Гейсте.

Стало традиционным издание памяток к юбилейным датам из серий "Писатели Забайкалья", "Композиторы Забайкалья", "Художники Забайкалья", "Краеведы Забайкалья". Они содержат исторические справки и библиографические источники по творчеству Евгения Куренного, Михаила Вишнякова, Виктора Лавринайтиса, Бориса Макарова, Никиты Сахарова — одного из зачинателей эвенкийской литературы. Памятки посвящаются исследователям и краеведам Евгению Петряеву, Виктору Балабанову, Георгию Поломошнову...

Собранные по крупицам сведения в "Летописи Забайкалья" расскажут о ссылке в наш край декабристов, познакомят с материалами гастролей в Чите великой русской актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской, пребывании в Чите и Забайкалье (проездом на Сахалин) Антона Павловича Чехова, расскажут о концерте в будущей столице ДВР крупнейшего представителя русской классической вокальной школы Леонида Собинова... В литературном музее Забайкалья собраны не только ценнейшие материалы по истории забайкальской литературы от Протопопа Аввакума, но и периодические издания — газеты, реферативные журналы, труды, ученые записки. Сегодня мы выписываем 650 наименований журналов и 200 названий газет.

Уникален патентный фонд, который включает около миллиона описаний изобретений. Мы верим, что придет время и материалы фонда будут востребованы читинскими предприятиями, фабриками, заводами, фирмами, равно как и обширный фонд спецвидов литературы (единые нормы и расценки, ГОСТы, стандарты, ценники, промышленные каталоги).

А где еще, как не в библиотеке им. А.С. Пушкина можно познакомиться с художественными репродукциями, изоизданиями, прослушать уникальные записи Федора Шаляпина и Бориса Штоколова, Вадима Козина и Лидии Руслановой, современные модные ансамбли и оркестры, полистать альбомы, оформленные и иллюстрированные выдающимися художниками Василием Тропининым, Михаилом Нестеровым, Александром Шиловым, Ильей Глазуновым. А разве смогут оставить равнодушными замечательные образцы полиграфического исполнения, переплетного мастерства таких изданий, как "Всемирная иллюстрация" (с 1874 г.), "Живописная Россия", "Венчание русских государей на царство" (1883 г.), издания, посвященные трехсотлетию царствования дома Романовых, издания Библии, Апостола, факсимильные издания "Жития Кирилла и Мефодия", "Изборника Святослава".

Вот уже 60 лет верно служит забайкальцам единственный в области отдел литературы на иностранных языках, который располагает книгами и периодическими изданиями на шестидесяти языках народов мира. Гордостью отдела являются редчайшие старинные издания на французском, немецком, английском, монгольском языках по вопросам истории, философии, литературоведению, энциклопедия "Британика" в кожаном переплете с золотым обрезом. В настоящее время мы имеем возможность выписывать оригинальные издания из США, Великобритании, Франции и Германии по экономике и бизнесу, страноведению и компьютерной технике.

Испокон веков библиотека была показателем жизни общества, его культуры, экономики, политического уклада. По категориям населения, посещающего библиотеку, запросам читателей на литературу, по тематике публицистических статей в периодических изданиях, по выходу в свет новых и переизданию старых книг можно со всей полнотой представить, как живет общество сегодня, какие заботы и тревоги его волнуют.

Сегодня библиотеке им. А.С. Пушкина, как никогда, нужны забота, внимание и поддержка руководителей области и города.

Вот почему мы с надеждой читаем строки Постановления Главы администрации области "считать областную научную универсальную библиотеку объектом культурного достояния и наследия Читинской области".

А мы, библиотекари, будем как и прежде считать себя ответственными за сохранность и приумножение книжных богатств во имя возрождения Забайкалья. ■

П. Пикассо. "Читающая девушка на красном фоне"

Николай Ярославцев

«Как прославилась пехота...» и сочинитель Саша БОРИШПОЛЕЦ

С завидной легкостью, стремительно — без робости, свойственной дебютанту, заявил о себе молодой читинский поэт Александр Боришполец. Совсем недавно — пару лет тому назад — читатели Забайкалья знакомились с его первым сборником стихов "Откровения с галерки". И вот уже увидела свет вторая книга Александра. С помощью новейшей техники, которой обладает издательско-полиграфический комплекс "Забтранс", издана красочная книжка стихотворений для детей "Как прославилась пехота и немного про Федота".

Известно, что далеко не каждый именитый поэт способен написать интересную стихотворную книжку для детей. Поэтому-то хороших, талантливых детских поэтов в стране всегда было мало. Для детской поэзии необходим особый дар! Чувство юмора, наблюдательность, умение видеть окружающий мир глазами малыша, способность выразить увиденное по-детски доходчиво — вот неполный перечень тех качеств, которыми должен обладать детский поэт. К счастью, большинством из этих качеств, на мой взгляд, обладает А. Боришполец.

Один из главных герое книжки Федот — фигура довольно отрицательная, этакий современный лукавый мальчик-меняла...

Но, благодаря этому герою, книжка получилась цельной и интересной. Кстати, о героях. Их возраст в стихах колеблется от четырех до восьми лет, то есть охватывает малышовый, дошкольный и младший школьный возраст. Похоже, автор не совсем четко представляет себе возрастную категорию своих читателей.

Вот пример малышового стихотворения:

Васька-кот у миски сел,
Огляделся, рыбку съел,
Чисто миску облизал,
Потянулся и сказал:
"Рыбка вкусная была..."
Ну а Жучка проспала!

Рядом с этим стихотворением соседствует другое:

Доктор спрашивает Нату:
"Что ты скушала?"
"Гранату
После каши на обед...",—
Говорит она в ответ...
Эскулап без лишних слов
За порог... и был таков...
"Не гранату, а гранат!" —
Перевел вдогонку брат...
Эскулап уже не слышал,
Он давно из дома вышел
И кричит через забор:
"Я, Наташа, не сапер,
А всего лишь детский врач...
Жди сапера и не плачь!"

Ната — персонаж этого стихотворения — наверняка не поняла бы смысла стихов, а ее старший брат не понял бы значения слов "эскулап" и "сапер". Автор умудрился в коротком стихотворении назвать одного человека доктором, эскулапом и детским врачом (хорошо, что не педиатром). Подобных "непонятных" слов в тоненькой книжке встречается очень много, а именно: безмен, бугай, вехотка, карьера, манатки, мерлушка, оазис, фасон, фетр...

К сожалению, стихотворение "Атыбаты", послужившее темой для названия книжки, вызывает недоумение и вопросы. Сюжет стихотворения размыт, поэтому не дает ясной картины происходящего события. В итоге вовсе не понятно, чем же прославилась пехота...

Однако, уже сам факт рождения нового детского поэта замечателен! На мой взгляд, потенциал поэта велик, стихи его интересны, современны, разнообразны, с правильно выбранной интонацией. Думаю, главную оценку творчества Александра Боришпольца дадут сами дети. Ну, разве может не понравиться им, например, такое великолепное стихотворение, как "Казачок"?

Казачок назвался Яшкой
И размахивает шашкой.
Но его узнали все
По каштановой косе,
Не вместилась под фуражкой,
Оказался он — Наташкой!

Хочется поздравить Александра с выходом в свет новой книги, пожелать собрату по перу новых открытий, творческих удач и добрых урожаев на ниве детской литературы. ■

БЫЛЬЁ

Забайкальскому писателю Василию Никонову в жизни везло на знакомство с маститыми российскими писателями. На снимке А. Конюхова Василий Никонов и Всеволод Иванов на одной из таежных рек Забайкалья.

НОВОЕ ИМЯ

Родилась в Чите. Студентка факультета иностранных языков педуниверситета. Пишет стихи, переводит французских поэтов. Победитель первого городского конкурса молодых поэтов (22 ноября 1996 г.) Возглавляет созданный недавно литературный клуб при филологическом факультете педуниверситета.

Юлия Анохина

Почему я перевожу поэзию

Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой — это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку, с целью открыть основной принцип ее красок и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени, или оно не даст цветка...". Так писал об искусстве поэтического перевода замечательный английский поэт начала XIX века Перси Биши Шелли.

Так кто-же такой поэт-переводчик, труд которого можно сравнить с исканиями средневекового алхимика? Он бросает фиалку чужих стихов в тигель своего восприятия и, расчленив ее на составляющие, создает цветок заново, но уже из семени собственного поэтического вдохновения. Кто он — подражатель или творец? Приживал в доме поэта-иностранца, неспособный создать собственное произведение, или поэт, жертвующий личным вдохновением и славой во имя любви к чужому творчеству и стремлению передать его на родном языке?

Не думаю, что многие читатели задаются этим вопросом, открывая перевод произведения зарубежного автора. Не задавалась им и я, когда в школьные годы читала книги в переводе, когда в 14–15 лет пыталась делать первые переводы поэзии, не владеея ни одним иностранным языком, по "подстрочникам". Осознание роли переводчика и сложности его задачи пришло позже, когда, уже студенткой иняза, я с увлечением взялась за перевод поэзии.

А пока — детство... Сказки Шарля Перро, Ганса-Христиана Андерсена, Сельмы Лагерлеф, Астрид Линдгрен... Не знаю, почему, но, читая сказки, я обязательно искала в книжке имя переводчика. Человек, владевший хотя бы одним иностранным языком, казался мне светилом учености, а скромный, скрытый от читательских глаз труд переводчика художественной литературы, казался мне чем-то удивительным и непостижимым. Мне и в голову не приходило, что в один прекрасный день я сама займусь переводом. Но этот день настал.

Если не принимать во внимание мои первые школьные опыты, я начала переводить зарубежную поэзию четыре года назад, когда поступила на факультет иностранных языков пединститута. Сначала я переводила с английского, зачем для меня открылся чарующий мир французской поэзии. Вот тогда я и ощутила: поэт-переводчик — прежде всего, поэт-творец. Каждый перевод — это новое стихотворение, новая фиалка, находящаяся в родстве с первым цветком и, все же, другая.

Мои друзья и знакомые часто спрашивают меня, почему я выбрала именно французскую поэзию. Я очень люблю гибкий и мелодичный французский язык, люблю его гармоничность и ясность. Кроме того, французская поэзия, которая так близка русской, подарила мировой литературе множество стихотворных форм, размеров, литературных направлений.

Одну и ту же мысль каждый язык выражает по-своему. К примеру, когда русский говорит: "У меня кружится голова", француз скажет: "Голова меня кружит", а англичанин — "Я чувствую головокружение". Порой такие отличия становятся серьезной проблемой при переводе.

Так, прекрасный французский поэт конца XIX в. Поль Верлен в своем известном стихотворении из сборника "Романсы без слов" задал переводчикам невыполнимую задачу. Он использовал звуковое сходство двух французских глаголов: "плевуар" (идти — о дожде) дождить) и "плере" (плакать) и поставил глагол "плакать" в предложение "Идет дождь" ("Иль пле"). Получилось "Иль плер", т.е. и дождь идет в сердце, и сердце плачет. Один переводчик, отчаявшийся найти русское соответствие этой игре слов, в сердцах воскликнул: "Плачется, плачется в сердце моем!" Но нет в русском языке такого слова! Что же остается делать несчастному переводчику, зашедшему в тупик после стольких исканий? Только одно: выразить мысль Верлена по-своему. В результате получается, что переводы этого стихотворения очень непохожи друг на друга. Предлагаю вам убедиться в этом на примере:

Фрагмент перевода В. Брюсова

Небо над городом плачет,
Плачет и сердце мое.
Что оно, что оно значит,
Это унынье мое?
И по земле и по крышам
Ласковый лепет дождя.
Сердцу печальному слышен
Ласковый лепет дождя.

Фрагмент перевода Б. Пастернака

И в сердце растрава
И дождик с утра.
Откуда же, право,
Такая хандра?
О дождик желанный
Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Но не только различия выразительных средств порождают расхождения в переводах. Главная причина — влияние личности переводчика, которая всегда накладывает свой отпечаток на произведение. Как бы ни старался он скрыть свои чувства, свои образы, свою индивидуальность, они все равно сохраняются в его работе и позволяют читателю отличить перевод этого автора от других переводов. Примером тому может служить замечательное стихотворение французского поэта Артюра Рембо, друга Поля Верлена, "Моя Богема".

Моя богема
(фрагмент перевода М. Яснова)

Свободен!
Кулаки — в разодранных карманах.
Подобие пальто —
все рвань, как ни надень;
Я за тобою шел — о, Муза!
— точно тень,
И о каких мечтал любовях
несказанных!

Мое бродяжничество
(фрагмент перевода А. Ревича)

В карманах продранных
я руки грел свои;
Наряд мой был убог, пальто
— одно названье;
Твоим попутчиком я, Муза,
был в скитанье
И — о-ля-ля! —
мечтал о сказочной любви.

Труд поэта-переводчика тяжел. Кроме того, этот труд неблагодарный, т.к. переводчик, — сколько бы усилий он ни приложил, — остается в тени, его имя заслонено именем поэта, стихи которого он переводит. И только редкий пытливый читатель не поленится и откроет оглавление, чтобы найти там имя истинного автора.

Но несмотря на трудности, не гаснет огонь заветного тигеля перевода, и вновь и вновь алхимики слова, очарованные красотой фиалки, создают новые цветы поэзии из семени своего вдохновения. Так пополняется сокровищница мировой литературы, так осуществляется вековое общение культур. ■

Роберт ДЕСНОС (1900–1945) французский поэт

Домострой
(шуточное)

Да будет проклят тесть
Хромого кузнеца.
Того что топорище смастерил
Для топора, которым срублен был
Дуб для кровати,
Где зачат был прадед
Того презлополучного юнца.
Что вел такси,
Где случай свел однажды
С твоею мамой
Твоего отца. ■

Жак ПРЕВЕР (1900-1977) французский поэт

Для тебя, моя любовь
(вольный перевод)

Рано утром, на рассвете,
из раскрытого оконца
Я цветочницу увидел
и решил купить цветов.
Я купил букет ромашек,
улыбавшихся, как солнце,
За две медные монеты.
Для тебя, любовь моя.
И я шел. Я шел, вдыхая воздух
с запахом медовым.
И прийдя на птичий рынок,
захотел купить скворцов.
Не найдя скворцов весенних,
я купил тогда лиловых
Певчих птиц, чтоб песни пели
Для тебя, моя любовь.
А потом зашел я в лавку скобяную,
у причала,
И ходил среди коробок,
инструментов и замков.
Вдруг мой взгляд упал на цепи —
ужаснулся я сначала.
Но потом решил купить их.
Для тебя, любовь моя.
И, влача стальные цепи,
изнывая от натуги,
Я добрался до торговца,
продававшего рабов —
Там твой взгляд искал я долго,
там искал твои я руки,
Но тебя там не увидел, не нашел,
Моя любовь.

Иван Коробков

ОСЕНЬ 1993 ГОДА

Небосвод суров и матов:
Тучи, ветер, дымный чад.
И хмельной, и плутоватый
Рэкетира шустрый взгляд.
Ножичком — жиг, жиг!
Не зевай, не спи, мужик!
— Куда едешь?
— Далеко.
— Тяжко с сумкой?
— Нелегко.
Тихо стонет мужичок:
Ноша поубавилась.
А народ — молчок, молчок…
Скажешь — будешь каяться…

ФУТБОЛ ДЕТСТВА

Два столбика — футбольные ворота.
Для зрителей — щербатая скамья.
Бьет мальчуган крученый, с разворотом,
И от волненья вздрагиваю я.
Футбол…
Он с детством босоногим схожий.
Победы радость, пораженья плач.
Но наш футбол ближе и дороже:
Гоняли мы тряпичный серый мяч.
Была послевоенная пора.
Свои кумиры и своя игра.

СЕНОКОС

Я видел ранним утром сенокос
На молодой березовой поляне.
Была трава в сиянье легких рос,
Воздушная, как волна в океане.
Давно здесь, видно, не бывал косец.
Его нога по травам не ступала.
Цвела душница. Густо пах чабрец.
И на заре кукушка куковала.
Так было. Но я видел сам:
Пришел мужик. В руках его коса.
И блеск ее был холодно-кровав.
Склонилась, дрогнув перед ней, трава.
Цветами чуткими затрепетала,
Когда в нее впилось стальное жало.
К тому иль нет, но так произошло,
Что к вечеру испортилась погода.
Из мрачных туч тягучий дождь пошел:
Так плакала над травами природа. ■

Александр Щукин

ЛИЛИИ

Утро в лесу наступило для них так же неожиданно, как накануне угас вечер и их окутала густая, вязкая в мелком дождике, черная ночь. Хотя для него она наступала каждый раз, когда они оставались одни и он утопал в ее густых, длинных, ниже плеч, темно-темно каштановых, почти черных, цвета спелой черемухи волосах. Вероятно, еще ночью прекратился дождь, обдуло и разъяснило.

Вышло раннее июньское солнце, которое и разбудило ее, скользнув лучиком *по глазам* через щель на входе в палатку. Некоторое время она лежала неподвижно. Оба они были покрыты *легким* одеялом и под ним без труда угадывалось, каким невероятным образом переплелись их тела, оставшиеся такими, какими были в момент фейерверка любви, ушедшие от радости кипящей энергии и нашедшие радость тепла теперь уже ставших родными душ.

Ощутив и почувствовав все это после сна, ей снова стало тепло. Нет, ей уже в который раз стало жарко. Вероятно, от этого проснулся и он. Они оба ожили. Ожили радостью тел, глаз, рук. Два сердца стали одним, а души на какой-то миг скромно и застенчиво покинули их убежище.

Солнце быстро нагрело брезент палатки, в ней стало очень тепло. Теперь она лежала голенькая, с закинутыми за голову руками. А ноги, одна согнутая в колене, а другая вытянувшаяся вдоль, подчеркивали всю ее несравненную, божественную прелесть.

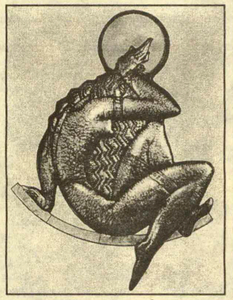
"Ты пока не одевайся. У меня есть маленький сюрприз", — сказал он, когда с усилием воли отвел взгляд от нее, вспомнив о том, что хотел сделать утром. Он быстро вышел из палатки, опустив за собой створки входа.

Ей стало любопытно. Она села и чуть выглянула. Метрах в пятидесяти он собирал лилии. Красные, большие, в самом разгаре цветения. Снова с волнением забилось сердце. Она быстро привела в порядок волосы, опустив их густым снопом с левого плеча на грудь, но одеваться не стала, как он и просил. Аккуратно сложила одеяло и села на него, поджав ноги к подбородку. Обвила их руками и стала ждать.

Она не услышала, как он подошел, вход в палатку открылся неожиданно. Он на какое-то время, мгновение замер от той красоты, какую увидел в ней, и тут же начал бережно и ласково забрасывать ее лилиями.

Цветок за цветком падали на плечи, голову, застревали и соскальзывали по волосам, оставались на коленях. Некоторые она успевала ловить, утыкаясь в них носом. Она улыбалась, любовалась им, стоящим перед ней с мокрыми от росы ногами и руками, освещенным солнцем. В мыслях у нее кружилась одна фраза: "Как я люблю его", — а вслух тихо твердила: "Ненормальный, сумасшедший".

А когда в его руках не осталось цветов, она стала еще красивее, сидящая среди них, и немножко смешная — вся в пыльце. И ноги, и плечи, и руки, и грудь, и даже лицо — все было в точках, полосках, пятнышках бурой пыльцы от красных лесных лилий.

Закончился очередной театральный сезон, коллектив ушел в отпуск. В последние перед отпуском дни прошло итоговое собрание. И теперь худрук остался наедине со своими мыслями, грузом сказанного, планами на будущее.

СЕЗОН

Считаю, что он был неудачным. Ни одна премьера этого сезона не стала событием. Коллектив в этом со мной согласился. Хотя ряд работ был весьма симпатичным и занял место в репертуаре.

"Призраки" Э. де Филиппо. Ловлю себя на мысли, что принимаю в этой работе абсолютно все. И эстетика великого Феллини, в стиле которой построен этот спектакль режиссером Светланой Чаплыгиной, для меня очень интересна. Но, одновременно, чувствую настороженность участников, отсутствие радости работы в этом спектакле и, главное, неприятие спектакля нашим зрителем. Подчеркиваю, именно нашим читинским, ибо доказывать то, что зритель разный в каждом городе, нет необходимости. Этот же спектакль в той же постановке с успехом идет во Владивостоке. Я не хочу ни в коем случае сказать, что наш зритель тупее — просто, вероятно, этот спектакль не нашего театра, не нашего направления. И, все же еще на один сезон мы решили его оставить.

А вот спектакль "Бедный Пьеро" А. Кампанилле решил снять из репертуара, хотя он прошел всего раз шесть. Были звонки от зрителей, плохие звонки, спектакль трудно продается, хотя это комедия, причем очень смешная. Считаю, что в этой неудаче абсолютно нет вины режиссера Ю. Цеханковского и актеров, занятых в этом спектакле. Только моя вина. Однажды меня, тогда очередного режиссера, буквально заставили ставить эту пьесу в г. Уфе, хотя все во мне протестовало против нее. Этот компромисс пожил тому, что мне до сих пор за нее стыдно. В последнем случае постановочная группа опять убедила меня, что этот спектакль имеет право быть. И я решился проверить еще раз. Да, определенная группа зрителей хохочет, как говорится, до упада. Но вот это-то, как выясняется, и ужасно. Юмор в этой пьесе абсолютно пошлый и оставляет неприятный осадок. Спектакль развращает человека, а не делает его светлее. Затем я заметил, что нашего, уже узнаваемого в лицо, театрального зрителя, мы отталкиваем этим спектаклем, а появляется на нем иной зритель, характеристику которого давать бы не хотелось. Очень опасно разрушить то, что мы с огромным трудом создавали в течение нескольких лет, глубоким продуманным материалом, притягивая и возвращая в театр интеллигентного, умного зрителя. Спектакль снят и, надеюсь, мои коллеги поймут меня.

"Моя дорогая Коралия" Ф. Саган. Мелодрама. Жанр необходимый в театре, любимый зрителем. Прекрасная драматургия, в отличие от подобных телевизионных мыльных опер. Спектакль крепкий (режиссер Сергей Михайловский), с отличными актерскими работами. Исполнительница главной роли молодая актриса Наташа Нижнегородцева удостоена премии "Чита-триумф" за 1996 год.

К тому же детективная линия спектакля делает его привлекательным. И все-же чего-то мне в нем не хватает, может быть, яркости, может быть, сценической заразительности. Но я вижу главное: спектакль с каждым представлением растет и крепнет. В добрый час!

Безоговорочно принял зритель, как дети, так и их мамы и папы, спектакль "Женитьба кота Леопольда" Дмитриева в постановке Альберта Аваодиева. На сцене этот спектакль часто и, чувствуя прекрасный зрительский прием, с особым удовольствием играют артисты.

Мне кажется, оправдал себя эксперимент подготовки специального новогоднего представления, так сказать, рядового пользования. Ранее, мы готовили к Новому году сказку, а перед ней коротенькое новогоднее представление. Затем эта сказка оставалась в репертуаре и жила в зависимости от своего качества. Теперь же новогоднее представление будет готовиться конкретно к данным новогодним каникулам и зритель будет знать: или сейчас он побывает именно на этом представлении или никогда.

Я очень рад, что в нашем репертуаре появилось такое великое произведение русской литературы, как "Недоросль" Дениса Фонвизина. В 18 веке написанное, оно чрезвычайно актуально и сегодня. Режиссер Э. Нуров построил спектакль продуманно и аккуратно, почти каждая сцена тщательно отшлифована.

И все-же мне не хватает в ней фонвизинского юмора. Спектакль, безусловно, будет жить и крепнуть, он родился только в марте, и, как любой живой организм, обязан расти.

А завершили мы сезон праздничным и очень добрым событием. Ярким представлением отметили юбилей наших старейших артистов 80-летие Николая Забелина и 70-летие Равиля Аббясова.

Мнение 1

Замечательный театр, в отличие от нашего.

Вопрос: "А когда вы были в нашем?"

Ответ: "7 или 15 или более лет назад!!"

Мнение 2

Приезд Малого театра — редкое событие. А на наш мы сходить еще успеем.

Мнение 3

А наши лучше! (Да есть и такое).

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ДЛЯ ОДНОГО ГОЛОСА В ОПУСТЕВШЕМ ТЕАТРЕ

Николай Березин

ГАСТРОЛИ МАЛОГО ТЕАТРА ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО Я ЭТО ДЕЛАЮ

Вопрос, указанный в заголовке, мне задают довольно часто. Возражения, например, такие: "приезжают знаменитости, известные всей стране театры и артисты, не дискредитируете ли Вы этим себя, так как зритель сравнивает их и наших?"

В организацию гастролей Малого театра вложены огромные деньги, справедливо ли это в сегодняшней финансовой ситуации в области?

Начну со второго вопроса, болезненного! Во-первых, спасибо вам, читинцы, вы практически профинансировали эти гастроли. Ибо, благодаря тому, что все абсолютно билеты были распроданы и даже был дан дополнительный спектакль, практически все расходы окупились.

Огромное спасибо военным: командующему ЗабВО Н. Кормильцеву, ВВС и командующему ВВС страны. Они решили транспортную проблему. Огромную помощь оказали администрация области, Управление ЗабЖД, многие другие.

Когда мы боремся всем миром за одно дело, мы это дело делаем. Мылый театр — театр экспортный в основном, и когда мы выезжаем на гастроли по стране, это, весьма широко освещается.

И тот факт, что теперь и Москва, и страна узнает, что Малый театр уделил внимание Чите — это событие уже! То, что читинцы впервые увидели старейший театр страны — это также событие! Зрительный зал был переполнен, в отличие от многих наших спектаклей. Обидно? Да, немного обидно! Но вот что показал социологический опрос:

Уверен в следующем: зритель, который протоптал дорожку в театр, впервые или спустя лет 7 или 15 придет в него еще раз. А уже далее, наша задача его увлечь и сделать истинным поклонником театра. Поэтому мы с директором театра Ю.И. Пояркиным приглашаем и будем приглашать известных актеров, зная, что на них пойдут хотя бы потому, чтобы увидеть их живьем, в непосредственной близости. Главное, чтобы не оттолкнуть зрителя, особенно случайного, от театра вообще.

МОЙ РОМУЛ

Речь идет о том спектакле, над которым я сейчас работаю. В течение года я фактически не брался за серьезную большую работу. Причин много: нужно было отвлечься, чтобы со стороны взглянуть на репертуарную политику театра, проанализировать ее, внимательнее присмотреться к работе других режиссеров, осмыслить собственное творчество. "Ромул великий" Д. Дюренматта пьеса, к которой я подбирался очень давно и только в наши исторические дни понял, что не могу ее не поставить. Буквально, каждое слово этой пьесы так попадает в день сегодняшний, настолько мы угадываем в этой пьесе происходящее в жизни нашей страны , что становится страшно и смешно.

Смешно потому, что пьеса написана автором с прекрасным юмором, и страшно, если глубоко вдумаешься в происходящее.

Актеры на первой читке пьесы в марте хохотали и удивлялись, насколько пьеса написанная о крушении Римской империи, написанная после войны с фашистами, попадает в события сегодняшнего дня. Во многом герой пьесы напоминает прошлого и нынешнего президентов, а ситуация крушения Римской империи очень напоминает нашу ситуацию. Любя своего Ромула, я и осуждаю его. Что скажет зритель? Каким получится спектакль? Ответ — впереди.

БУДУЩЕЕ И НАДЕЖДЫ

Театр учится, учится серьезно — и это замечательно. Почти у всех артистов нашего театра средне-специальное образование. И вот год назад Восточно-Сибирская академия искусств (г. Улан-Удэ) на базе нашего театра набрала заочный курс. Во время сессии приезжают педагоги, артисты, пожелавшие получить высшее образование, сдают экзамены, полноценный свой интеллектуальный запас, углубляются в процесс изучения актерского мастерства, оттачивают сценическую речь. Учиться еще 2 года. Но репетиции уже начались. Идет работа над "Вассой Железновой" М. Горького. Этот спектакль станет дипломной работой студента заочного режиссерского отделения той же академии нашего артиста Юрия Цеханковского. В нашей практике мы тратим на постановку нового спектакля 1–3 месяца, здесь же ребята будут работать 2,5 года. Тщательная подробная проработка материала, длинный путь проб и ошибок, постижение изучаемого характера — что может быть лучше.

Другой выпускник академии Сергей Жарков защищает диплом спектаклем "8 любящих женщин" Р. Тома. В середине июня прошел предварительный просмотр этой работы. Мне кажется, что ситуация в ней на сегодня очень обнадеживающая и этот спектакль зритель увидит уже в ноябре.

Думаем над дипломными спектаклями с артистом Андреем Подскребкиным, студентом заочного режиссерского отделения Московского театрального училища им. Б.В. Щукина. Два спектакля в театре выпустил актер Эдуард Нуров. Четыре режиссера намечаются. Я рад этому, мне кажется, что может создаться здоровая конкуренция. Работать рвутся все, а уже художественный совет будет решать, чью работу взять в репертуар. Поэтому правом получить постановку каждый будет дорожить, а уже свой шанс постарается использовать максимально. И, наконец, через год труппу пополнят наши студийцы, обучающиеся при Читинском училище культуры.

(Продолжение следует).

Игорь Светов

ПОСЛЕДНЯЯ УДАЧА

Гога рассчитал все. Ровно в двенадцать его подельник в жилой зоне бросил на запретку кусок арматуры. По всему периметру произошло короткое замыкание и завыла мерзким воем звуковая сигнализация. Колючку, по которой проходил ток высокого напряжения, сразу вырубили. В длиннополых шинелях с овчарками на коротких поводках по распаханной запретке в квадрат, где закоротило, ломанулись краснопогонники. Гога стоял внизу и внимательно слушал, когда перестанет гудеть колючка.

"Все, отключили", — по перестawшей дрожать проволоке понял Гога.

Мягко протопали меж заборов солдаты. Натягивая верхонки, Гога дыбанул на крышу литейки. Зло и насмешливо глядел на него "Курский". Страшно было бежать, оставаться в зоне еще страшней, и Гога стартанул.

Колония охранялась сигнализацией, и вышки отсутствовали. Вэшники пролетели от угла до угла в межзаборном пространстве гулял только ветер. Оттого, что не воткнулись в то, что происходит, галдящие на крыше заключенные при виде того, как Гога безрассудно штурмует запретку, враз, словно по команде, стихли.

— Башка у него что ли съехала…

— Может, дома что случилось, — вполголоса строили предположения зэки,— или в картишки пайку, майку и фуфайку просадил. Отдавать нечем, вот и хезанул.

Как перемахнул невысокую запретку и первый забор, Гога не помнил, был в отключке, но ни шкуру, ни робу не порвал. Перед вторым забором ноги чуточку подломились, от удачи, наверное, забор был в колючей проволоке, но зато без высокого напряжения.

Арестанты видели, как Гога устало валил от зоны. Верили и не верили, что вот так просто и легко их солагерник "сделал ноги". Слетались жиганы и смерти окончился удачно, и довольные зрители били чечеткой в битумную крышу, свистели и хлопали в ладоши.

Срока у Гоги было всего два года. Половину он уже оттянул и все-таки рванул. Почему? Сутки спустя выяснилось.

Гога, желавший вкусно спать и есть, решил к "Курскому" подсесть. "Тэрс" — игра умудренная, да и отсидел "Курский" в восемь раз длиннее, чем Гога и всего через неделю тот стоял, как конь во ржи. Шлипили сразу на сразу, а рассчитываться Гоге было нечем. Лагерные законы безжалостны и строги. Фуфлыжник хуже отпущенного. Не хотелось Гоге делать ноги, ох, как не хотелось. Но "Курский" предложил сделать это за расчет. "Зачем ему это?" — соображал Гога. — Может, я пробный шар?"

Узнали зэки — пронюхали и менты, понимал "Курский" и на завтра в жилой зоне в том же месте запретка замкнула вновь. Спектакль жизни и смерти продолжался. Зрители были на месте: Солдаты пролетели и меж заборов гулял один только ветер. Зэки ждали, когда действие начнется. "Курский" ждал когда увянет педриловетер. На крыше болтали специально громко.

— Кишка тонка.

— Да-а, в этой проволоке не двенадцать вольт, язык тут не защиплет.

— Поджарится он, интересно, или нет.

Вчера, когда рвал Гога, "Курскому" со стороны казалось все легко и просто. Сегодня бег с препятствиями предстоял ему и в живote свербило.

"Чему быть, того не миновать", — сладко выдохнул "Курский" и стартанул.

— Ты смотри! Не убило, волка!

— Фартожопый!—весело комментировала крыша.

Перед вторым забором ноги чуточки подломились, от удачи наверное,

— Давай! — заорали зрители-зэки.

И он дал.

Уже оседлав колючую верхушку дощатого забора и не чувствуя боли в изодранных в кровь ладонях, "Курский" обернулся к линейке и победно вскинул над стриженной башкой руки.

— А-а-а! — вытаращив глаза, дико завопил он.

Довольные его фартом, били чечетку в теплую крышку литейного цеха зэки, дубасили в ладоши и свистели.

Негромко на этом мрачном празднике хлопнул выстрел.

Никто его толком не услышал и не почувствовал. Не успел почувствовать и "Курский", которому заряд снес половину черепа.

Из-под забора вышел Гога, опустился на колени, с трудом разжав зубы, вставил стволы обреза в рот и вторым выстрелом оторвал полголовы и себе. ■

Александр Баринов

ЗОЛОТЫЕ ТАЙНЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Как-то в одном журнале прочитал такую фразу: "Один из самых увлекательных способов провести досуг — поиски сокровищ". Абсолютно с этим согласен. Вот уже несколько лет в свободное от работы время занимаюсь именно этим делом. Правда, в отличии от представителей молодого вида спорта, который так и именуется — кладспорт, не занимаюсь "поиском сокровищ" прямо на местности. Свои "драгоценности" разыскиваю в книгах, газетах, архивных документах, рассказах знакомых и незнакомых людей. А начался этот процесс с того, что в 1988 году исполнялся юбилей Урульгинской конференции 1918 года и меня попросили написать заметку об этом событии. Вот тогда-то я впервые и столкнулся с тем, что в протоколе этой конференции был рассказ о тайне ограбления Читинского банка, нашумевшего в том самом 1918 году. В газете "Набат" в 1988–1989 годах я написал первые статьи, в которых попытался обобщить все то, что удалось узнать об этой тайне. Затем, в 1995–1996 годах в другой читинской газете — "Золото" (под псевдонимом А. Никишихин) я впервые опубликовал целую серию статей под общим названием "Золотые тайны Забайкалья". Тогда и родилась идея книги. Все эти годы продолжался поиск новых данных по этой увлекательной теме. Что-то уточнялось, что-то открывалось вновь. Работа не прекращена и сегодня. И тот вариант, который предлагается читателям "Литературной Читы", конечно же, не является окончательным.

Стоит лишь внимательно посмотреть вокруг.

Казалось бы, ну какие тайны могут быть в наше время? Все должно быть уже давным-давно найдено и обнаружено, но не тут-то было. Подавляющее большинство кладов продолжают находить, как правило, достаточно случайно. Вот лишь несколько сообщений последних лет, подтверждающих это.

"Клад из 50 российских золотых монет чеканки 1896–1899 годов нашли, копая червей для рыбалки, трое подростков из деревни Тюторино Упоровского района (юг Тюменской области)".

"Интересная находка, датируемая учеными XVII веком, найдена специалистами научно-исследовательского института "Спецпроектреставрация" при работах в церкви святого Георгия, расположенной на территории крепости в Старой Ладоге. При поднятии пола здесь был обнаружен керамический горшок, в котором оказалась чудом сохранившаяся серебряная чешуйка — монетка достоинством в одну копейку".

"Прокладывая в Липецке теплотрассу в районе старого Центрального рынка, наткнулись на старинный фундамент. От удара ковша кладка пошатнулась, и прямо из нее посыпались монеты. Экскаваторщик позвонил в милицию. Приехали специалисты. Оказалось, бывший купеческий дом, вернее, его остатки. В фундамент "про черный день", были сложены деньги, аккуратно завернутые в газетку прошлого века. Набрали полведра серебра".

И таких сообщений из разных мест приходит предостаточно. Только в одной Белоруссии за последние годы было обнаружено 1100 кладов, 150 из которых пополнили музейные экспозиции.

Да, что и говорить, если даже на территории Кремля в 1995 году был обнаружен клад. "Во время ремонтно-восстановительных работ в здании бывшего Сената, построенном архитектором М. Казаковым в конце XVIII в. на месте жилых построек и кладбища, среди более 40 тысяч керамических обломков средневековой посуды, стеклянных бус, серебряных медальонов лопата задела керамический кувшин, в котором хранились 3426 старинных русских монет и одна польская".

И наше родное Забайкалье не является исключением из этого всеобщего правила "случайных находок", о чем речь тоже пойдет в свое время и в своем месте. Более того, лично я глубоко убежден, что уж наш-то край буквально "напичкан" всевозможными большими и мелкими кладами, лишь маленькая толика которых в XX веке была все также случайно обнаружена.

В рытой-перерытой Европе существуют целые фирмы, занятые поиском кладов. А у нас, имею ввиду Россию в целом, к этому только-только приступают. Лишь в начале 90-х годов в Москве появилась первая фирма, которая занялась поисками сокровищ. Возможно, когда-нибудь специалисты такого рода появятся и в Чите. Меня же больше интересуют сами тайны, окончательное раскрытие которых и предоставляю другим, тем, кто сумеет действительно внимательно посмотреть там, где иные так ничего и не заметили.

С золотом же, а значит и с "золотыми" тайнами связана вся история Забайкалья, причем с очень давних времен.

ВГЛУБЬ ВЕКОВ

Достаточно "штампованное" определение, но точнее трудно сказать, когда речь идет о поиске начальной даты, фиксирующей появление золота в нашем регионе. Отправимся на экскурсию вглубь веков.

Известно, что первые разработки золота в Нерчинском округе начались в 1832 г. Первыми открытыми россыпями стали Гурбан-Шивирская (1831 г.), Курлыгинская (1830 г.) и Ундинская (1829 г.). Рудное же золото в Восточном Забайкалье, по мнению горного инженера Ю. Экзальда, было открыто в 1777 г. "на левом берегу реки Шилки, ниже речки Курлычи, против деревни Епифанцево", в одном из отрогов Яблоневого хребта". Названо оно было Крестовским... Но "крест" свой "золото" наш край понес раньше, много раньше.

В начале XVIII века на Нерчинских рудниках добывали и выплавляли серебро с большим содержанием золота. "Нерчинские рудники", — писал крупнейший российский исследователь, автор книги "Русское золото" В.Л. Даниелевский, — давшие "домашнее злато", — первые промышленные предприятия, поставлявшие в нашей стране этот драгоценный металл".

В 1704 г. впервые в Петербурге с Нерчинских рудников привезли 1 фунт 24 золотника золотистого серебра. Затем из года в год его партии возрастали. Именно из этого "злата домашнего" и "серебра домашнего" отчеканили в память о славных победах над шведами в дни Ништадского мира специальные медали...

Но есть и более ранние даты. В 1698 г. экспедиция Левандина обнаружила в Култучной горе на Аргуни золото, серебро и свинец. А годом раньше "купчина гостиной сотни" Спиридон Лангусов привез в Нерчинск золото из Китая...

Не случайно уже в ноябре 1698 г. в именном царском указе "о сборе в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин", как сообщал в своей книге В.Л. Даниелевский, было предписано: по приходе в Нерчинск каравана из Китая и по досмотре каравана — у кого будет золото, брать его "на великого государя" в счет пошлин, а у кого окажется золота на большую сумму, с тем расплачиваться товарами".

Но имеются и более ранние даты, значительно более ранние. Какие именно? Ответ на вопрос могли дать только археологи. Но прежде хотелось бы сделать небольшое отступление.

САМОЕ ДРЕВНЕЕ ЗОЛОТО

В 1976 году мы, группа первокурсников Читинского пединститута, под руководством молодого тогда археолога Валерия Немерова, вели раскопки древнего захоронения недалеко от села Уровские Ключи, что в Нерчинско-Заводском районе. Когда мы только начали лопатами снимать дерн, на телеге мимо проезжал местный мужичок.

— Эй, паря, а чо вы тута копаете? Землянку, чо ли?

Мы чуть ли не хором начали ему объяснять, что это — древнее захоронение.

— Кладбище, чо ли? Не. Нету тута ничо. Старики б знали,—уверенно заявил наш собеседник.

И как мы ему ни объясняли, что русские появились в этом крае лишь в XVII веке, а захоронение это было сделано еще до нашей эры, то есть до Рождества Христова, он стоял на своем: "Старики б знали". И, уверенный в своей правоте, он продолжил поездку.

Ближе к вечеру, когда наши девушки уже закончили кисточками очищать скелет, вновь появилась знакомая телега. Каково же было удивление ее хозяина, который только и смог вымолвить, глядя на это древнее захоронение: "Ну, паря, а старики-то и не знали"...

Тогда мы вышли и маленькую золотую спиральку. Это было первое древнее золото, которое мне довелось увидеть. С тех пор удалось побывать на выставках золота скифов, что выставлялись в Киеве и Санкт-Петербурге, на выставке "Золото Трои" в Москве. И все же наиболее памятной осталась именно та краснова-

лась впервые и разработка золота. "Золото это по составу весьма разное, — рассказывал Игорь Иванович Кириллов, — и золотистое, и черноное (то есть с красноватым оттенком), и белое (так называемая "греческая электра"). Преимущественно это всевозможные бляшки, подвески, кольца, спирали. Но попадается оно в захоронениях крайне редко".

Это подтвердили практически все читинские археологи, с которыми в разное время мы беседовали на эту тему. Некоторые вообще честно признались, что за все время раскопок им ни разу не попались изделия из золота. Ну а те, кому повезло больше, это хорошо запомнили.

Так, И. Кириллов и В. Немеров вспомнили находку, которую в 1973 году они сделали во время раскопок по реке Аге,недалеко от села Цаган-Ола. Это была большая нагрудная гривна в виде перевернутого орла.

М. Константинов и В. Колосов не забыли находку, сделанную в 1979 году на Титовской сопке. Это тоже было нагрудное украшение, гривна из золотой фольги.

О находках недалеко от Оловянной рассказал В. Ковычев, а о том, что попадалось во время раскопок на реке Кии в Шилкинском районе, вспомнил О. Кирилов. Как правило, это были золотые бляшки, вырезанные из фольги.

Кстати, недавно на Алтае при раскопках кургана было обнаружено захоронение "золотого человека". Вот как описывал эту находку в "Комсомольской Правде" 13 марта этого года Андрей Павлов: "...усопший был покрыт золотом буквально с головы до ног. Огромное количество золотых пластинок — 1800 штук (не считая тех, что украшают пока не реконструированный колпак покойника) размерами 4х7 и 10х10 мм были нашиты на куртку, кожаные штаны, сапоги и головной убор. Да вдобавок сверху умерший был накрыт чем-то вроде войлочной полоны, тоже усеянной золотыми блестками!" Казалось бы, такая груда золота, но ведь все это в основном золотая фольга, а потому сумарно вся эта находка не дотянула даже до одного килограмма. У нас же пока таких находок сделано не было. Хотя "золотой человек" из Алтая вполне мог быть и забайкальцем...

* * *

Вообще же золотая находка в древних могильниках вещь крайне редкая, как и вообще редка неразграбленная могила. На несколько сот могил бронзового, железного и средних веков неразграбленной приходится только одна. Все же древние могильники являются памятниками, охраняемыми государством. Правда, лишь недавно началось их юридическое оформление, когда каждый могильник стал получать свой "паспорт". На сегодня в области зарегистрировано более трех тысяч археологических памятников и около половины из них — это могильные комплексы. Но, к сожалению, и эта мера пока не защищает их от уничтожения. Их варварски грабили и продолжают грабить, точнее просто уничтожать, потому что грабить-то в большинстве из них и нечего.

Археологов же больше интересуют не ценные находки, а обряд захоронения, традиции, всевозможные "мелочи", которые для них важнее любого золота. Ведь только эти могильники могут сегодня рассказать об истории многих народов, в разное время населявших наш край. Некоторые из них, как например, люди "плиточной культуры" даже не оставили своего исторического имени, а лишь свои могилы. Хунну, чжурчжени, монголы, сменяя друг друга, создавали историю этого полного загадок и не раскрытых тайн края. Ведь это и от них пытался укрыться за Великой стеной Китай, начав сооружать ее еще в 4–3 веках до нашей эры. Ведь это от них, выше-дших в том числе и из забайкальских степей, содрогнулся древний и средневековый мир Евразии...

Те редкие, не представляющие ни весовой, ни художественной ценности золотые находки, которые все же изредка делались нашими археологами, занимали места в экспозициях и областного краеведческого музея, и музея археологии Забайкалья, что много лет действует в педагогическом университете. Так было. Но пришли другие времена и нравы, и все они, в том числе и та маленькая спиралька, о которой речь шла выше, были переданы до лучших времен на хранение в специализированные учреждения. Будем надеяться, что когда-нибудь они вновь займут достойное место в музейных витринах. Пока же археологи и краеведы практически в одиночку пытаются противостоять вновь нарастающей волне самого отвратительного явления, которое связано с поиском золотых сокровищ — грабежом-грабительством. ■

Вячеслав Сериков

ПОЧЕМУ НОВОБРАЧНЫХ ВНОСЯТ В ДОМ НА РУКАХ

Замечательное полотно Рубенса "Похищение сабинянок" находится в Национальной галерее города Лондона. Написано оно около 1635 года. Но это повторение ранее написанного подлинного шедевра художника, местоположение которого неизвестно. Последние сведения о нем относят к 1636 году, когда картина находилась в коллекции кардинала Ришелье.

В 1635 году Рубенс отказывается от дипломатической деятельности и уединяется в замке Стен. Все чаще повторяются приступы подагры, которые начались у него давно и заставляют страдать. В последние годы стала отниматься правая рука, он часто вынужден лежать в постели. Однако, обладая колоссальной волей, Рубенс продолжает работать, только искусство его этих лет наполняется интимным настроением, будучи пронизано чувством восторженного восхищения, переполнявшего художника, неустающего петь гимн красоте жизни и, может быть, еще сильнее ощущающего ее ценность. Он не устает воспевать любовь к женщине, которой переполнена его душа.

"...Как в своем первом браке он был рабски предан Изабелле Брант, — пишет о Рубенсе позднего периода В.Н. Лазарев, — так теперь он отдается со всей страстью последней любви во власть молодой Елены Фоурмент, чей облик его постоянно преследует, чье тело он почти-что обожествляет. Рисует ли он Диану, Венеру, Вакханку, Грацию, Андромеду, Магдалину, Цецилию, Вирсавию, Сусанну, Мадонну — всюду выступает один и тот же образ, образ Елены Фоурмент".

"Похищение сабинянок" — легенда из ранней истории Рима. Ромул, основатель города, чтобы обеспечить будущий рост населения, а воинов — женщинами, пошел на хитрость. Он устроил празднество, на которое пригласил жителей соседних поселений, включая сабинян с их женами и детьми... В разгар веселья по его знаку римские юноши бросились в толпу и, выбирая лишь незамужних сабинянок, стали их уносить. Согласно Плутарху, "замужних женщин не взяли ни одной", более того, "похитители руководствовались не дерзким своеволием, не желанием нанести обиду, но мыслью соединить оба племени неразрывными узами, слить их воедино". Эти события, считает Плутарх, породили обычай на руках переносить новобрачную через порог дома мужа.

Рубенс использует из этой исторической легенды сам эпизод похищения сабинянок. Этот же конкретный момент описал в своем произведении и французский живописец Никола Пуссен (1594–1665). Обычно искусствоведы противопоставляют живопись Рубенса живописи французского художника, как барокко классицизму.

На картине Пуссена чрезвычайно эффектно ритмическое противопоставление бессильно вскинутых изогнутых женских рук и молниеобразных прямых мечей воинов. Художник стремится все свести к первоидее — он видит суть сюжета в столкновении воинственного мужского начала с нежно-беспомощным женским и делает акцент на насилии.

У Рубенса все по-житейски просто, ибо он решает актуальные проблемы своего времени. А в это время в Европе идет так называемая "тридцатилетняя" война (1615–1648). Уже 18 лет разрухи, насилия, террора. Обезлюдели города и деревни, заглохла торговля. Надвигаются неизбежные спутники войны — голод и эпидемии (кстати, Изабелла Брант 1626 году умерла от чумы). Из-за убыли мужского населения на 8–9 тысяч женщин приходилось только две тысячи мужчин. Парадоксально, но в старой добропорядочной Германии в разрез с учением церкви в некоторых местностях городские советы издают указы не только разрешающие, но даже обязующие мужчин иметь двух жен (естественно, на какой-то определенный срок) для быстрейшего воспроизведения населения и роста экономического потенциала страны (ибо это прежде всего рабочие руки).

Не это ли послужило одной из причин создания целого цикла картин, посвященных теме войны: "Конец войны" (1629–30, Национальная галерея, Лондон), "Последствия войны" (1637–38, палаццо Питти, Флоренция), и как аллегории "Похищение сабинянок", "Избиение младенцев" (1635–1639), старая пинакотека, Мюнхен).

На картине "Похищение сабинянок" Рубенс на фоне древней архитектуры Рима пишет воинов в одежде, присущей фламандскому гардеробу XVII века он как бы переносит события из прошлого в свое время. На переднем плане почти нет оружия (тем более высоко вскинутых мечей как у Пуссена). Только вдали за городскими стенами вооруженные римляне отражают нападение неприятельских воинов, пришедших на спасение похищенных, и, естественно, здесь применение оружия оправдано.

Суть темы, как и у Пуссена, одна и та же — насилие и сопротивление. Но если у Пуссена в композиции проглядывается излишняя рассудительность, холодность и строгость, утрата живого чувства, то Рубенсу, напротив, присущи выразительность, повышенная эмоциональность, стремление вовлечь в свой круг проблем огромную аудиторию и вызвать у нее благожелательное чувство (или хотя бы сочувствие).

Драматизм исторического события Рубенс смягчает праздничностью сцены. Восхищает великолепие грандиозного храмового интерьера, ажурность арок и колонн, обвитых украшенными лентами гирляндами. Играет музыка. Все залито ярким светом. Богатство красок живописи прозрачных и текущих, красота женщин — буквально все пронизывает произведение праздничным тоном. Интересно и композиционное построение, состоящее из двух диагоналей — одна слева сверху вниз и совершенно идентичная справа, не разделяющие людей, а напротив, соединяющие их попарно.

Казалось бы все в противопоставлении и противоборстве — руки умоляющие и руки пленящие, тела сопротивляющиеся и тела, преодолевающие сопротивление, печальные, заплаканные лица, и суровые, полные решимости и напряжения. Этому же подчинена и живопись. В центре картины, на переднем плане, яркое контрастное пятно — белое тело и обнаженные груди, высвободившиеся в результате борьбы, и темная одежда.

Но присмотритесь повнимательнее — если и есть грубость, то нет жестокости. Поощряюще улыбается Амур (Бог любви, свидетельствующий о том, что данный сюжет — любовная история), сводница демонстрирует прелести молодой девушки, предлагая ее мужественному воину в латах и шлеме. Печально улыбается мать (моделью для которой послужила Елена Фоурмент) — она расстается с дочерьми. Сопротивление девушек не только отчаянное, сколько для приличия, движения их мягкие. Идет разбор невест. Праздник продолжается.

А продолжение легенды гласит: похищенные девушки смирились со своей судьбой. Позже, когда сабиняне атаковали город и частично захватили его, их остановило, говорит Плутарх, "...поразительное неожиданное зрелище. Отовсюду разом появились похищенные дочери сабинян и с криком, сквозь гущу вооруженных воинов, по трупам, словно вдохновляемые божеством, ринулись к своим мужьям и отцам. Одни прижимали к груди крохотных детей, другие, распустив волосы, с мольбой протягивали их вперед и все взывали то к сабинянам, то к римлянам, окликая их самыми ласковыми именами." Так неожиданно установился мир между враждующими сторонами.

А вообще-то тема "похищения" не является чем-то особенным в греческой мифологии и истории древнего мира. Традиционного считалось, что быть похищенной — это удел беззащитных девушек, отнюдь не всегда этому противящихся.

Боготворение женщины, любовь к ней, проступки и безумства людей, совершаемые во имя этого чувства, всегда привлекали внимание художников, всегда были сродни друг другу, лишь приобретая окраску своего времени, будь это похищение Лукреции, или лермонтовской Бэллы, или героини из фильма Л. Гайдая "Кавказская пленница".

■

Вячеслав Сериков— филателист от Бога. Его книга, главы из которой периодически печатает "ЧЛ", впечатляет уникальностью иллюстраций и добротностью слога. Желаем Вячеславу найти спонсора, который бы издал нужную всем нам книгу.

РАКУРС

"—Господа казаки!—начал он чуть хрипловатым с перепоя голосом.— Севодни мы, значитца, празднуем наш войсковой казачий праздник. Как мы, значитца, есть главная опора его императорского величества, то мы, значитца, должны... это... как ее...—И тут атаман, забыв заученные слова, сбился. В полной растерянности оглянулся он на писаря, но тот, как назло, отошел в сторону и о чем-то разговаривал там с богачом Лыковым. Будь атаман потрезвее, он бы, возможно, и нашелся сказать что-нибудь подходящее к данному моменту, но хмель кружил ему голову, и он, лишь бы не молчать, крякнул с досады и понес несуразное.—Оно, конечно, как я есть среди вас самый главный, и вы, значитца, должны мне подчиняться!.. Так и далее. А что у нас творится? Ежели хотите знать— сплошная страма!.."

Василий Балябин, роман "Забайкальцы"

Виктория Балябина

К ЖИЗНИ

Когда-то в детстве, прикинувшись доброй феей, ты баюкала меня, жизнь, своими колдовскими песнями и сказками.

Убегавшими в даль дорогами, плывущими облаками, певучим звоном проводов в полях ты звала меня куда-то, обещала, томила отроческую душу мою сладкими предчувствиями грядущих бурь и счастья.

Где же бури эти? Где счастье? Ты похоронила меня, молодую, жаждущую радостей, под тяжким бременем бесцветных дней и лет. Ты иссушила душу мою бесплодными надеждами и метаниями, мерзкими компромиссами. Ты истерзала сердце мое тоскою о милой моей отчизне. Одного "дара" не пожалела ты, одним им, словно в насмешку, наделила меня, и "даром" этим, этими Снами Наяву, я и воздам тебе, старая обманщица!

Слушай же! Как полководец армии, я разверну вереницу чудных видений! Я прикажу — и ко мне явятся с данью все твои радости! Красота, Талант, Дружба, Любовь смиренно сложат у ног дары свои. Даже неумолимый брат твой — Время по одному моему знаку остановит свой бег!

Гляди же, гляди! Как сказочная Василиса Прекрасная, я стряхиваю с себя лягушечью кожу, в которую ты обрядила меня, всю ничтожную шелуху твою, телесные и духовные вериги, робость, косноязычье. Я становлюсь прекрасной и юной, как первый утренний луч солнца!

Захочу — пташкою улечу в неведомые края, побегу облачком по поднебесью, засвищу ветром в поле, засияю росинкою в чашечке цветка, дымкою туманною, певучею поднимусь вдали. Как вешняя вода, разольюсь печалью и красотой по миру, стану томить сладкой грустью людские сердца, туманить им очи слезою непрошенной.

А теперь — оглянись! Вот идет мой милый, мой сероглазый добрый Друг! Взявшись за руки, мы уйдем с ним в синие горы, где шумят сосны, где плещут студеные ключи, где белые березы до самой травы опустили зеленые косы...

И слышу в ответ: "Так чего же еще? Разве не самый дорогой, бесценный дар дала я тебе? Только так: в одиночестве, в думах, в тоске он мог взойти и расцвести в тебе. И разве не бываешь ты богаче, счастливей всех в час, когда прилетают к тебе эти Сны Наяву?"

МАРТ-АПРЕЛЬ

Март — по-украински березень. Это месяц, когда на деревьях вздуваются нежные душистые почки. Кричат грачи, теплый и тугой ветер пахнет оттаявшими соками земли, тонким ароматом только-только проклюнувшихся сквозь прель прошлогодней листвы подснежников. А над всем светом с зорьки до зорьки распахнута радостная, звонкая, щедрая синь неба.

В шальную голову теснятся шальные мечты, а ноги сами несут тебя Бог знает куда — за село, в левады, в поля...

Апрель — квитень. Квитка — цветок. Месяц цветов. Рощи, левады, перелески засинеют озерами, плесами, разливами голубого ряста. Вишни, яблони укроются такою массою жемчужного цветенья, что некуда будет просунуться робкому первому листочку.

Как зачарованные, замрут сады под золотыми солнечными ливнями. Медово-густо будут звенеть в них пчелы, гудеть шмели, свистеть, щелкать, щебетать малые пичуги. Темными и теплыми ночами станет тянуться вверх трава, а девчата и соловьи будут петь по садам до самого утра.

Когда же вновь увижу весны твои, Украина? Когда не во сне, но въявь увижу твои села, поля, твое небо? Когда надышусь воздухом зеленых твоих левад, наслушаюсь речью твоей певучей?

Когда же я вернусь к тебе, Родина моя светлая, когда же я снова стану твоей?

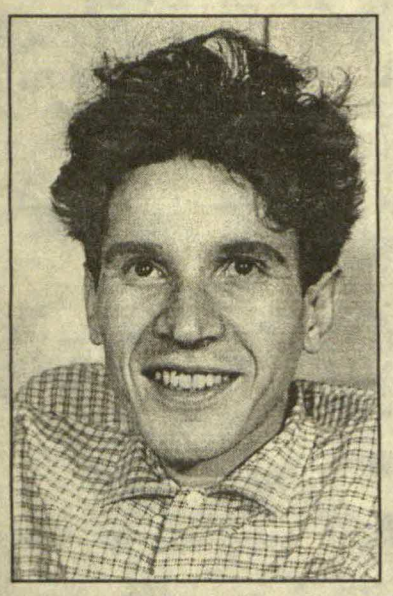
■

Валентин Марков

Валентин—духом сильный и талантливый человек. Он пишет музыку, стихи, прозу, занимается радиоэлектроникой, фотографией, аккомпанирует самодеятельным певцам, сам концертирует… Валентин Марков—инвалид детства. Всю свою еще не очень долгую жизнь он провел в инвалидной коляске. Потому ему так понятны и близки мысли и умонастроения поэта Геннадия Головатова

ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА

Вы напрасно стараетесь жизнь
мне сделать счастливою,
все равно я однажды в Забайкалье
сбегу.

Там, над Белым Урюмом
в воду смотрятся пристально
лозы гибкие-гибкие… И кукушки грустят.
Там весной на заре небо чистое-чистое!
Перелетные птицы — как на праздник летят.

А леса там какие! Родники да развилочки.
Березняк непролазный. А орешник в горах!…
Там — с красивым названием
Аксеново-Зиловское —
мой поселок рассыпался на пяти берегах.

Это что-то вроде угрозы импотента, — все болеют Забайкальем, пока не сбегут в Москву. Но я его прощаю за то, что первым из первых инвалидов пробился в союз писателей и зажег маяк, чтобы инвалиды не падали духом.

Я свой участок жизни застолбил,
чтоб мимохожим был он виден лучше
и чтобы ты, благополучный, не забыл,
что есть на свете неблагополучье.

И чтобы ты готовился к нему —
на всякий случай: мало ль что придется! —
учился сострадать, содействуя тому,
кто в край беды ушел первопроходцем.

***

Я — из птиц перелетных,
до взлета подбитая птица.
Жить без них не могу.
И за ними лететь не могу.
Этот солнечный юг!
Он все ярче и ярче мне снится,
когда я на земле
кочению в декабрьском снегу.
Но приходит весна,
и опять удивляюсь я:
"Выжил?!"
Слышу крики под небом
вернувшихся братьев моих.
"Прилетели, родимые!
Вы опуститесь поближе!…
Я вас ждал!
Я ваш брат!"
Но мой крик не доходит до них.

***

Смотрю на тело, как на инструмент.
А инструмент достался никудышный:
то сердце метит сдать в любой момент,
то чуть нагрузка — сразу и отдышка.
Но этот инструмент не заменить,
не починить, чтоб снова — как со склада.
Да всякий мастер тем и знаменит,
что и плохим сработает как надо!

В начале 60-х годов на всесоюзный поэтический конкурс, объявленный газетой "Комсомольская правда", поступило стихотворение Геннадия Головатого из восьми строк, и оно было удостоено первой премии за его художественные достоинства

СИЛА

Слепые не могут смотреть гневно.
Немые не могут кричать яростно.
Безрукие не могут держать оружие.
Безногие не могут идти вперед.

Но — немые могут смотреть гневно.
Но — слепые могут кричать яростно.
Но — безногие могут держать оружие.
Но — безрукие могут шагать вперед.

С тех пор он печатался в журнале "Нева", "Пионер", "Сибирские огни", "Смена", в альманахе "Ангара".

Геннадий Головатый — инвалид с детства, перенес полиомиелит и не может ходить, но это не мешает ему путешествовать по всей стране. А жизненной энергии и оптимизма у него хватит на двоих.

Мне, как собрату по несчастью и по перу, так понятно и близко его творчество — это пронзительно-сокровенный лирик, который прячет нежное сердце по шелухой "урапартриотизма".

ЕСЛИ БЫ ТЫ ХОДИЛ...

Ах, ну конечно, имеется
в вашей "ходячей" стране
то, что для вас разумеется,
да вот неведомо мне.

Но и в моей ведь имеется,
что недоступно словам.
И для меня — разумеется,
да вот неведомо вам.

В Забайкалье знают и помнят Геннадия Головатого, многие писатели были у него в гостях, сотрудничали с ним. Он в числе первых, создавших поэтическое объединение "Надежда" для начинающих поэтов.

Как гласит легенда, вытащила его на свет божий вездесущая Ида Файерштейн, — у нее в крови выуживать что-нибудь интересное. А там пошло-поехало: встречи с интересными людьми—Граубин, Никонов, Петровичев, Гланц, Филиппов, Вишняков, Алешкин, Макаров, Дубинцев, Тимофеев, Савостин, Хавкин и вся пишущая братия, зовущая друг друга "старик", независимо от возраста.

А У НАС В ЗАБАЙКАЛЬЕ

А у нас в Забайкалье сопки малиновые!
Вы, небось, и не знаете, что такое
— багул?

Памяти тех, кто был рядом с нами, и кого больше нет

Дмитрий Бахаев

«ОКЕАН ЖИЗНИ»

На первый взгляд, все определяется достаточно просто. Встретились в конце 80-х, несколько "небожителей", и стали весело проводить время. Днем и ночью, за чашкой чая, или за рюмкой коньяка, они пели песни, читали друг другу свои стихи, рисовали картинки… А потом их становилось все больше, и когда тесные квартиры перестали вмещать всех единомышленников, появились поэтические сборники, напечатанные на машинке, переходящие из рук в руки. Обычная гуманитарная "тусовка", желающая поделиться своими впечатлениями от жизни, только начавшей открывать им свои тайны.

В конце 1992 года был напечатан (естественно, на обычной машинке) последний выпуск литературного альманаха "Океан жизни". Уже тогда его создатели знали, что очередного номера не последует. Они видели перед собой иные горизонты. Или просто устали друг от друга. А некоторых уже не было среди живых. "А как мы хотели?" — спрашивали они сами себя. "Дразнили Смерть, вот она и пришла".

С самого начала у них была установка на "не жизнь". Чего ради? А ради того, что они называли "Приливом", "Непреходящим чудом", "Наркотиком жизни". И примеров для подражания было множество — от Лотреамона до Мориссона.

"Млады мрут" — писал позднее Стивен Кинг. "Млады" "Океана жизни" прекрасно осознавали, что их занятия находятся под великим запретом Судьбы, Фортуны, самой Смерти. И все равно практиковали. Но и в жизни, и в духе имели более других. Ошарашенные откровениями открывшихся им миров, они продолжали смотреть, петь, медитировать и молиться, не обращая внимания на враждебное непонимание окружающих. Тогда они еще не боялись прослыть сумасшедшими. "Ведь если душа спасена, то и шизофрении-то нет", любил повторять Иван Самойлов, один из вдохновителей этого странного учения. Несмотря на свою открытость всем культурным и мистическим влияниям, эта группа оставалась верной себе во всем. Поначалу творчество "пионеров" течения напоминало длинные саги (неважно, в слове, в звуках или в красках) в манере Толкиена и Баркера. Тщательному переосмыслению подвергались протестантские радиопроповеди, стихи символистов, первое дошедшее до Читы видео, рок-н-ролл. Причем все эти, казалось бы, противоречащие друг другу влияния культур разных народов и эпох, гармонично уживались как в сознании, так и в творчестве доморощенных читинских философов и "искателей правды". Многое объяснялось недостатком информации извне, культурным и духовным вакуумом, элементарным отсутствием необходимых источников — будь то литература или музыка. Вкупе с нежным возрастом "творцов", такая ситуация давала возможность принимать как откровения равнозначной силы стихотворения Лесамы, и "Саммертайм" в исполнении Дженис Джоплин. Нет большого парадокса в том, что весь этот "винегрет" со временем принес прелюбопытнейшие творческие плоды. Когда во главу угла ставится Воображение, возможен любой синтез. Когда этот синтез рождал чудовищ, их принимали со всей непосредственностью расшалившихся подростков.

Еще не было компьютеров и си-ди плееров в каждом доме, зато было нечто другое, что в гораздо большей степени стимулировало полет творческой фантазии. Была Чита, с ее угрюмым прошлым, и не менее безысходным настоящим. Какой рай для декадентских настроений! "Вот живая трава среди руин, и место это свято". Языческие гимны наполняли рукописные сборники новых "видящих". "Молитва к дыму", "Два леса" мечтательного Мики Инина, "Луковая поляна" и зловещий "Кровососный доклад" Ивана Самойлова, "Молитва Черному Ангелу Сна" Андрея Причастникова — вот наиболее характерные мотивы творчества "океанистов" конца 80-х.

"Озари меня дикими мыслями, напои меня черными соками, и стану смотреть на тебя, о Владычица Мертвых, Луна растущая. Прорастай из всех вещей для сияния, для блуждания в глубинах неба, для вдохновения безумцев. Сделай нас дикими, Луна, и сияющими, как сияешь ты. И силу звезд пролей в нас, и недуги прими и умертви".

Безусловно, подобного рода "продукция", едва ли была бы тепло принята общественным мнением. Осознание этого факта и привело "океанистов" к решению отгородиться от широкой читательской и слушательской аудитории. Впрочем, им и так было сравнительно неплохо в собственном тесном мирке, с его домашними концертами, лесными пикниками и поэтическими вечерами в узком кругу. Оно было и проще — каждый выпуск карасоковского "Лунного вестника" выходил в одном экземпляре, что никого не обременяло и не смущало. Кучке эксцентричных "непризнанных гениев" несложно понять друг друга, если отсутствует критическая оценка извне. "Мир враждебен" — усвоили юные дарования. Зато в узком кругу мирно уживались реморанты и наполеоны, моцарты и набоковы, а их союз напоминал палату психиатрической лечебницы (такой, как ее обычно изображают в высокой литературе). Почему бы и нет? Как и подобает юным диссидентам, в тусовке "Океана жизни", шизофрению возвели в культ. А "горка" почиталась едва ли не Меккой для великомучеников от искусства. Один из самых сильных сборников Андрея Причастникова (естественно, тоже самиздатовский) назывался "Письмена с Горы".

Когда в 90-м году была предпринята попытка собрать воедино лучшее из накопленного опыта (первый выпуск "Океана"), некоторые из его авторов уже не дождались этого события. Они умерли. По настоящему. Жизнь оказалась безжалостной к тем, кто не пожелал принять ее такой, как есть. Оставшиеся искали компромисса и пытались принять новые правила игры. Собственно, сама идея собрать все воедино была похожа на прощание. Прощание с миром грез. Прощание с детством, если угодно. Ко второму выпуску "Океана жизни" были расставлены все точки над "i". Стало ясно, что третьего не будет.

Теперь все на своих местах, не так ли? Андрей Карасоков стал подсобным рабочим. Причастник выращивает пионы в своем цветнике и топит печи. Ивана Самойлова зимой видели продающим елки на Центральной площади. Мика Инин строчит репортажи на злобу дня в одной из газет.

А где-то в ящиках письменных столов, среди старых газет, разбросаны их стихи. В темных нишах пылятся забытые картины. И музыка молчит, запрятанная в прямоугольниках кассет, которые никто не слушает. Сотни исписанных страниц ждут своего часа. Дождутся ли?

Ольга Коваленко

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Вечером с соседкой передачу обсуждали. "Бермудский треугольник" называется. И вспоминали всякие страсти об инопланетянах. А потом дождь закапал, и мы пошли по домам.

Ночью встала форточку открыть — душно. Глянула в окно — вот ужас-то! В темном небе восемь синеватых огней сияет. Вот так: четыре, один, под одним, и точно напротив — еще четыре.

А так вроде все, как обычно: и фонари у магазина, и асфальт после дождя блестит. Но эти огни! Сон как рукой сняло. Соображаю лихорадочно, чтобы это могло быть.

И вдруг все стало ясно. Это мокрые провода свет фонарей отражают. Проводов-то в темноте не видно, только освещенные участки. Точно, над фонарями они и светятся. Уф, пойду спать. Ну их, этих инопланетян.

СКАЗОЧКА

Человек за семью печатями, за семью замками, в царстве тридесятом душу свою прятал. Соблазнитель к нему являлся, сладкие песни пел, околдовывал, завораживал, шелка стелил, яства ставил. А души, птицы редкой, невиданной так и не выманил.

Воитель к нему являлся, в полон брал, голодом морил, пытками стращал, доспехами сверкал, цепями гремел. А души не запугал, не выманил, не выползла к нему пощады просить.

Мыслитель к нему являлся. Речи разумные говорил, доводы приводил, увещевал, уговаривал. И то напрасно — не выманил. Не слушает душа голоса разума. Обозвал "безмозглой" да и сгинул, прочь ушел.

Пришла любовь — слова не сказала. Пришла — и сияла, и свет дарила, и нечего взамен не требовала — ни благодарности, ни внимания, ни ответного тепла. И выползла душа из своего убежища, и осмотрелась опасливо, и к огню подобралась, и поплакала, и вздохнула всей грудью. Полетела. Любовь, и душа с ней, как же иначе.

А Соблазнитель, Воитель, Мыслитель пошли другие души искать, с этой им уже не справиться: не одурманить, не запугать, не заговорить. Она, ишь, только на любовь откликается, не по зубам она им…

ДРЕБЕЗГИ

ИДИОТИЗМЫ

Александр Боришполец

Что к чему?

Критик на то и критик, чтобы карась не дремал... Лично я к поносным статьям отношусь равнодушно (когда самого касается). Но меня для глубины печенок возмутил крестовый поход борзописцев против нашего мастера изящной словесности Фофана Водопроводчикова. Его последняя эпическая поэма "Две трубы" вызвала небывалый ажиотаж у местной литературной богемы. Не стану подробно останавливаться на этом, без сомнения, талантливом произведении (его достаточно тискали и мяли все средства массовой информации). Позволю себе лишь пару строчек из кульминационного момента, когда главные героини — две трубы—на некие призывы к согласию как бы лукаво восклицают:

"Сколько лет живем в одной избе,
И не совпадаем по резьбе!.."

И все это на фоне постоянно меняющихся муфт и прокладок. Различных по размеру и весу, по фигуре и цвету, тонких и красных, толстых и белых...

Но сам факт смены прокладок и других деталей ни к чему не обязывают. Поражает финал поэмы, из-за которого и разгорелся сыр-бор между Фофаном и борзописцами. Дело в том, что в трагедии двух труб виноват, оказывается, был раздвижной газовый ключ номер четыре:

"Не в прямом значении того,
Просто в доме не было его!"

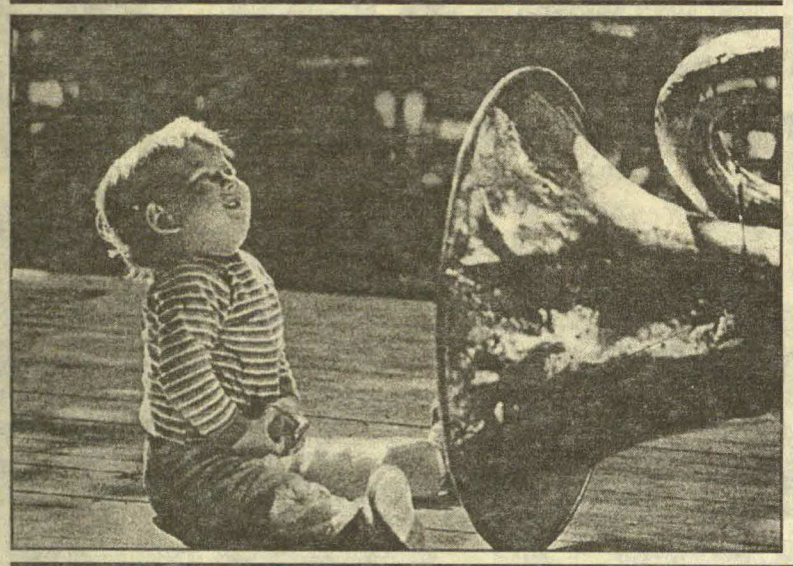
Так убедительно живописал это событие автор произведения.

— Как же так! — возмущались борзописцы. — Поэма не выдерживает никакой критики. Почему у поэта виноват газовый ключ номер четыре, а не конкретный сантехник из жэка Иванов, Петров или Сидоров?

А Фофан Водопроводчиков молчит. В полемику не вступает. Уехал, я слышал, на дачу и пишет новую поэму. "Ржавчина" называется. Правда, мне попалась однажды на глаза его заметка, где он поясняет, что, дескать, с этими пигмеями (так и выразился) на одном гектаре не сядет сражаться за свою поэму. Много чести, говорит, им будет...

И верно. Причем здесь Иванов, Петров или даже разводной газовый ключ номер четыре? Если одна труба — никелированная с горячей водой к импортному смесителю прикручена. А вторая — чугунная, извиняюсь, с унитазом связана. Наглухо.

Что к чему?

СТАРОСТЬ НА РАДОСТЬ

Николай Рудинец

ЧТОБЫ ЕСТЬ КАЛАЧИ...

Михаил Шарак

Читинец Михаил Шарак родился в 1918 году. Воевал в составе воздухоплавательного дивизиона аэростатов артиллерийского наблюдения. Позже — вечный геолог, занимался углем, плавиком, известняками. Выйдя на пенсию написал труд "Болезнь ноги — рождение поэмы". Мы с вниманием прочли и даем в "Дребезгах" небольшой отрывок.

В выходной день жена вручила мне список продуктов, составленный из расчета недельного прожиточного минимума, подкрепила его частью денег из семейного бюджета и поставила задачу — купить все.

Одеваясь, я долго копался в разноцветно-дырявой куче носков, приобретенных еще в застойный период развитого социализма, подыскивая подходящую пару для магазинного похода. Как обычно гундел, что в доме хозяйки нет, и что, если эти носки заштопать, то им сносу не будет, и что...

Жена обычно молчала, слушая мое нытье, но тут словно ее подменили. Похоже, сработал закон диалектики — количество гневного молчания перешло в качественно — истеричный крик.

— Я тебе не домохозяйка и не секретарша, чтобы носки покупать у спекулянтов.

Она кричала о том, что плюралисты развалили страну, что труженики беднеют, интеллигенции последние штаны протирает на конторских стульях, а всякие господа-посредники, ничего не производя, расторговывают Родину, жиреют, плюя на народ, и еще многое, что отражало нашу горькую действительность.

Иду с рынка, согнувшись под тяжестью вопроса на тему "как выжить?" Итог моих базарных сделок печален: список далеко не выполнен, а денег уже нет.

— Что с тобой? — услышал я встревоженное обращение к себе. Подняв голову — Сан Саныч!

Я знал этого крепкого неутомимого человека почти все время перестройки не унывавшего. Встретились мы на рыбацкой тропе и с тех пор не теряем связь. Пенсионер. Живет со своей Марьей Ивановной, любовно называемой Матреша, в любви и согласии в небольшом домике светлом и чистом.

— На тебе лица нет! — ужаснулся он.

— Да вот, по заданию жены посетил рынок, а там цены кусаются, словно цепные псы. Как выжить, не знаю.

— Тебе ли ныть? Здоровому мужику! — пожурил он. — А что тогда делать пенсионерам? В гроб заживо ложиться? Зайдем ко мне на чашку чая, поделюсь с тобой кое-какими житейскими секретами, — сказал он и потащил меня за собой.

Переступив порог прихожей, я остолбенел, вспомнив о носках. Конечно, если бы я был приглашен в гости на французский манер, заранее с указанием дня и времени, то, соответственно и приоделся бы, а тут чисто по-русски был схвачен гостеприимным хозяином прямо на улице. Сан Саныч бросил мне тапочки, переобулся сам и пригласил меня на кухню, а я все стоял с жалким видом, пытаясь найти достойный выход из создавшейся ситуации. Он все понял и спросил:

— Носки дырявые?

— Они еще и по цвету разные, — промямлил я, рассказал ему об утреннем концерте жены.

— Для меня это пройденный этап, — смеясь, сказал он и достал из кармана своего пальто матерчатые тапочки.

— Дарю! Это мой первый житейский секрет. Купил я в магазине однотонные лоскутки темного цвета и сшил из них защитные чехлы для носков, вставил в них резинки—и маскировочное средство готово. Носи их всегда с собой и ты будешь защищен от подобных конфузов, а носки всегда покупай одного цвета, чтобы из непродырявленных можно было бы скомплектовать пару.

Сижу я, словно разряженный аккумулятор, пью ароматный чай с наслаждением, слушаю. Издерганная повседневными заботами, моя душа оттаивала и наполнялась жизненной энергией.

— Какая женщина не хочет быть красивой? — продолжал он. — А косметика не каждой по карману, да и покупать ее стало опасно.

Однажды утром на цыпочках вхожу на кухню и глазам своим не верю: Ивановна стоит на стульчике, а голова в морозильной камере. Умом тронулась старуха, с ужасом подумал я, и окликнул ее. От неожиданности она дернулась, стульчик вывернулся из-под ног и она рухнула на пол, чуть не вырвав головой морозилку. Тут и раскололась, что где-то прочитала рецепт по избавлению от бледности и одутловатости лица. Для этого надо лишь заглянуть глубоко в морозильную камеру и досчитать до ста.

Как выжить в диком рынке? После ухода на пенсию мы остро почувствовали его безжалостную хватку. Пенсия — курам на смех, да и ожидаючи ее, околеть можно. Сбережения обесценились, а наши "чубайсики" оказались настолько беззубыми, что и крохи домой не принесли от общественного пирога. Тогда мы обменяли наш скворечник в пятиэтажке на эту фазенду и, живя в ней, намного увереннее чувствуем себя. Внедрили безотходную технологию: выращиваем овощи, завели кур, кроликов — они поедают сорняки и прочую растительность, а отдают яйцо, мясо, пух, шкурки.

— А может, тебе открыть свое дело? — с вдохновением спросил он. — Есть хорошая идея: организовать в городе перевозки при помощи рикшей, широко практикуемые в восточных странах. Посмотри, сколько туристов оттуда маются по городу со своими коммерческими тюками, обходя дорогие автотакси. Золотое дно! С лихвой хватит и на семейный желудок, и на носки, и жена будет тебя встречать и провожать с поцелуями!

Для организации дела всего-то надо дооборудовать велосипед и на шляпе нарисовать таксошашечки. Начни один. Раскрутишься, завоюешь таксорынок, вытеснив чадящие легковушки, и благодарные горожане золотыми буквами впишут твое имя в историю города как активного эколога.

— Хочешь есть калачи, так не сиди на печи, — напутствовал меня мой неунывающей друг Сан Саныч. ■

Николай Ярославцев

ПАРОДИИ

Картина

Ах, какая мерзлая картина!
Ни тепла зверюшкам, ни еды.
...Потянулись к зарослям осины
Заячьи голодные следы.

Юрий Шумайлов

Ах, какая мерзкая картина:
Пью урину — горькую мочу.
Зло мычит голодная скотина.
Ох, и я заливисто мычу!
Пришиваю к френчику заплаты,
Штопаю дырявые носки —
Пятый месяц не дают зарплаты, —
Пью урину, вою от тоски.
Я голодный и худой, как заяц,
Ни тебе уюта, ни еды...
Смотрит теща, едко улыбаясь,
На мои голодные следы.

Клыкастая история

Тот холостяк, худой и злющий,
Конструктора челюсти моей,
Клыки ввинтил на всякий случай,
Чтоб было все, как у людей.
Жую, орудую клыками,
Как ложкой, вилкой и ножом...

Владимир Британижский

Я не любил родную челюсть —
Она была слаба на нет —
И как-то раз пошел, насмелясь,
В зубопротезный кабинет.
Был врач не в духе, туча тучей,
Конструктор челюсти моей,
Клыки вклепал на всякий случай
Из толстых кованных гвоздей...
Гляжу в трюмо, глазам не веря,
А сзади охает родня:
"Володя, ты похож на зверя..."
И боком, боком от меня...
Спокоен я, судите сами:
Жую конину, пью боржом
И так орудую клыками,
Как люди вилкой и ножом.
Теперь, по-видимому, впору
Гонять медведей по лесам...
А раньше кость давал Трезору,
Теперь ее съедаю сам!

Таракан

По кухне голодный
Бродил таракан,
Кастрюлю проверил,
Тарелку, стакан...
Потом он залез
На обеденный стол,
Но крошки съедобной
Нигде не нашел...
О, как было жалко
Тебя, таракан,
В квартире живет
Ветеран-старикан.
Он грудью страну
От врага защищал.
Полвека прошло...
И старик обнищал.
Ушел таракан,
Ест колбаску и сыр.
Теперь он живет,
Где жует рэкетир.

«ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. №1578

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков
(шеф-редактор),
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Рюрик Карасевич
(отв. секретарь),
Игорь Портнягин,
Вячеслав Толкалин